

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

УДК 334.02

Механизм взаимодействия власти и бизнеса как составляющая корпоративной экономики

М.В. Добрынина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

В данной статье рассматривается механизм взаимодействия власти и бизнеса для решения социальных и экономических целей и целей обеих сторон в рамках государственно-частного партнерства, которое, в свою очередь, определяет, как функционирует корпоративная экономика.

Ключевые слова: правительство, бизнес, сотрудничество, государственно-частное партнерство, экономика, корпоративная экономика.

Современная политическая элита в условиях затянувшегося кризиса экономики все больше заинтересована в установлении тесных взаимосвязей с бизнесом, чем в развитии социальной сферы. Контакты власти с населением ограничиваются лишь пиар - кампаниями в период выборов. Традиционные политические институты лишь создают образ демократии, являясь способом подтверждения легитимации существующей власти. Распространение государственно-частного партнерства сильнее «связало» власть и бизнес.

Необходимо отметить, что важность изучения механизмов взаимодействия государственной власти с различными бизнес - структурами в современной России очевидна и актуальна. Термин «государственно-частное партнерство» и используется в различных нормативных актах федерального уровня, и прежде всего в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года[1]. В отношениях власти и бизнеса в управленческой практике в современной России используется государственно-частное партнерство, представляющее собой форму взаимодействия государства и част-

ных компаний для решения социально-экономических задач и достижения целей обеих сторон.

Система политэкономических отношений, при которой наиболее влиятельные группы интересов напрямую вовлечены не только в процесс формирования, но и реализации государственной политики - есть корпоративная система.

Корпоративизм – естественное стремление человека удовлетворять свои интересы при содействии других людей, причем не за их счет, а с их помощью и поддержкой, через развитие своего сообщества. Если учесть, что жизнь общества протекает в рамках, по крайней мере, двух групп отношений, складывающихся между людьми: социально-экономических, в основе которых лежат отношения собственности, и организационно-экономических, связанных с реальным взаимодействием людей в области организации деятельности и производства, методами их регулирования, хозяйствования, - то корпоративные отношения могут рассматриваться как в качестве одной из составляющих организационно-экономических отношений рыночной экономики, так и в качестве способа (метода) регулирования совместной деятельности. Каждая страна имеет собственную модификацию социально-экономического развития, которая отличается не только инструментами и механизмами, но, прежде всего, уровнем эффективности их функционирования.

Корпоративизм может быть представлен трипартистской моделью (государство, бизнес, профсоюзы), а может иметь двусторонний характер (главными участниками являются предпринимательские ассоциации и экономические министерства и ведомства). Наличие только двух "партнеров", т.е. бизнеса и носителей высшей государственной власти, имеет преимущественно неформальный характер взаимодействия. Основания для корпоративизма в России были заложены с начала 90х годов, то есть с момента начала демократизации. Монополии в газовой, железнодорожной, электрической областях промышленности, складывающиеся олигополии в масс-медиа, нефтяной и алюминиевой промышленности делают вполне вероятным развитие по корпоративистскому сценарию.

Таким образом, корпоративизм означает принципиальную закрытость важнейших сфер политической и экономической жизни.

Британский социолог К.Крауч [2] сделал вывод о том, что и в западноевропейских странах конца XX века все большую роль играют связи крупных корпо-

раций с правительствами стран, уже в масштабе глобализации. В этих партнерских отношениях политическая элита замкнута, заинтересована в налаживании связей с влиятельными менеджерами корпораций, а не в реализации программ, отвечающих интересам граждан. По наблюдениям Крауча, уже в начале 1990-х в политику стали приходить пересекающиеся сети всевозможных советников, консультантов и лоббистов, представлявшие интересы корпораций, которые искали расположения со стороны правительства. Он также утверждает, что синтез корпораций и правительства и глобализация ведут к формированию новой правящей элиты (чиновники и бизнесмены).

Заметна и тенденция формирования новой роли крупного бизнеса: он в полной мере становится политическим игроком. Как отмечают некоторые российские исследователи, «крупные государственные корпорации все в большей степени играют роль квазипартий, обеспечивающих коммуникацию между разными этажами власти и общества, а также представляющих интересы политических кланов»[3]. При этом госкорпорации подменяют партии и в электоральном, и в более широком функциональном смысле.

Следует отметить и то обстоятельство, чем больше государство вступает в партнерство с бизнесом, тем больше оно лишается навыков и квалификации в отданных бизнесу и «утерянных» им сферах. Далее власти вынуждены передавать бизнесу все больше обязанностей и оплачивать услуги всевозможных консультантов. Итогом этого по К.Краучу становится следующее: поскольку считается, что знания, необходимые для управления и контроля, остались почти исключительно в ведении коммерческих корпораций, то они получают стимулы к тому, чтобы использовать эти знания ради увеличения собственной прибыли. Такой подход может пагубно сказаться на экономике и множить коррупцию.

Кроме того, схема государственно-частного партнерства предполагает, что взаимодействие государства и бизнеса приобретает непрерывный характер: срок действия госконтрактов может достигать десятков лет. Заказчик, то есть государство, при этом впадает в сильную зависимость от подрядчика и не имеет иных рычагов воздействия, кроме как штрафные санкции (при этом ущерб, нанесенный исполнителем, еще нужно доказать). Таким образом, в связке «власть-бизнес» частные корпорации обладают большей свободой действий, за-

частую власть не имеет достаточно рычагов, для того чтобы реально повлиять на реализацию проекта, который она сама же бизнесу и заказала.

Отечественный опыт реализации государственно-частного партнерства преимущественно связан с возрастанием роли государства. Процессы огосударствления ряда крупных корпораций привели к стремлению поставить все под контроль, использовать, по выражению С. Перегудова, добровольно-принудительное социальное спонсорство [4].

Сам термин «государственно-частное партнерство» является дословным переводом английского термина «public-private partnership» (PPP) и давно применяется в зарубежных государствах (Франции, Великобритании и др.). «ГЧП - партнерство государства и частного бизнеса в любом виде. Оно включает в себя самые различные формы: от государственного заказа до приватизации. Концессия, аренда и вклады в уставный капитал государственных или частных компаний и приобретение долей государством в этих частных компаниях - промежуточные формы партнерства. В это понятие не входит то, что государство делает самостоятельно без участия частного бизнеса»[5].

Отметим, что государственно-частное партнерство строится на принципе, который предполагает, что не государство подключается к проектам бизнеса, а наоборот, государство приглашает бизнес принять участие в реализации социально значимых проектов. Корпоративизм сулит четкую выстроенность управленческих структур во всех сферах жизни, четкость и единообразие в проведении политической линии государства на всех уровнях функционирования власти, консолидацию общества на основе социального партнерства, – т.е. социальный мир. К этому нужно добавить возросшую роль государства в экономике, наличие целостной и последовательной экономической политики и т.д. Все это, безусловно, позитивные ценности.

Но обратной стороной корпоративизма могут оказаться государственный патернализм, снижение роли общественных союзов и объединений, которые становятся не столько самостоятельными союзами, сколько “приводными ремнями” государственной политики в соответствующих сферах жизни общества. Кроме того, придется иметь дело с огосударствлением союзов и объединений, а в нашей стране, еще не полностью изжившей свое советское прошлое, это будет слишком напоминать его черты.

Литература:

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
2. **Крауч К.** Постдемократия. М. Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. 192 с.
3. **Петров Н.** Корпоративизм vs регионализм // Pro et Contra. 2007. Июль-октябрь. С.12-19.
4. **Перегудов С.П., Семенов И.С.** Корпоративное гражданство. Концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 448 с.
5. Барьеры развития механизма ГЧП в России. М.: НПФ «Экспертный институт», 2010. 32 с.

Добрынина Мария Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры экономической теории и финансов МИЭТ.